

«Московская правда», 1976, 23 сентября

ВСТРЕЧА С НУШИЧЕМ

Советские читатели и зрители хорошо знают и прозу, и драматургические произведения Бранислава Нушича, одного из классиков литературы Югославии. Но вот Нушич прозвучал впервые с концертной эстрады, и это стало настоящим праздником умного, искрящегося юмором, веселящего душу искусства. Радостью этой встречи мы обязаны одному из ведущих мастеров художественного слова — Сергею Балашову. Великолепная сатира Нушича, который смеется, бичует, развенчивает и выставляет на всеобщий позор и поругание тиранию, пошлость, тупую бюрократию, ложь, тщеславие, алчность, религиозное ханжество, закостенелость и рутину в общественной и семей-

ной жизни, заблистала свежими, яркими, неожиданными красками. Балашов создал интересную и стройную литературную композицию на основе комедийной автобиографии Нушича, его «Записок», рассказов, фельетонов.

На сей раз Балашов отказался от присущей ему обычной театрализации, от музыки, света, реквизита, от всех вспомогательных изобразительных средств. На эстраде главенствует только слово. Выходит высокий статный человек в черном бархатном сюртуке старинного покроя, открывает книжку и начинает читать вслух от имени Нушича, затем, положив книгу на высокую тумбочку, обращается непосредственно к слушате-

лям, открывая незнакомый им мир.

Композиция несколько лукаво, иронично озаглавлена: «Мальчик, резвый, кудрявый, влюбленный...». Балашов по ходу концерта несколько раз меняет манеру «донесения» слова. Он влетает в текст стихотворение Нушича «Два раба» и как-то не декламирует, а вычеканивает отчетливо, громко строфы, за которые в свое время Нушич был приговорен к тюремному заключению. Саркастически улыбаясь, преподносит он яркие метафоры, остроумные реплики, монологи-памфлеты, чередуя их с колоритной жанровой живописью словом, воссоздавая сочные характеры, персонажи, сцены. Перед нами раскрывается не только жизнь Нушича, а типичная

судьба талантливого человека, наблюдательного и мыслящего, в мрачную пору сербской действительности конца прошлого века. Здесь высмеиваются система образования и типы учителей, здесь и вопрос, что делать юноше с аттестатом зрелости, ибо ни одна профессия в условиях частнособственнического строя не может дать подлинно свободного, творческого счастья. А частная жизнь? А любовь? История влюбленностей и женитьбы героя также предстает в свете мещанского, пошлого, будничного существования. Изящно, темпераментно сыгранные сцены чередуются с публицистическими обобщениями, с мыслями о вреде науки схоластической, религии лживой, о путях, связывающих, сковывающих вольнолюбивого человека.

Нушич любил людей. Он смеялся над их слабостями и пороками, желая помочь им

обрести силу. Он бичевал то, что достойно обличения и осуждения, во имя жизни свободной, благородной, радостной, во имя разума и справедливости. Он учил идти по жизни с улыбкой.

И только в финале, подняв руку, позволяя себе Балашов ораторские интонации, читая обобщающее, насыщенное блеском ума и болью сердца «Послесловие». Светлый гуманизм, жажда иной, новой, грядущей социальной жизни — запечатлелись в нем. Финал этот завершает программу эмоционально и нравственно.

Новая литературная композиция С. Балашова явилась достойным вкладом во все более развивающиеся духовные связи искусства народов Советского Союза и Югославии.

А. ДУБИНСКАЯ,
кандидат филологических наук.